

Rjabov, Vasilij

Христианизация Руси : (мирское и сакральное в средневековой Руси) II

Opera Slavica. 2003, vol. 13, iss. 3, pp. 1-10

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117562>

Access Date: 08. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ (мирское и сакральное в средневековой Руси) II

Василий Рябов

Иными словами, язычество как таковое отжило свое время и возродить его было невозможно (точнее, невозможно было придать язычеству ту силу логики, которую имело христианство и его соответствие времени). Оставался только один путь: найти способ сблизиться с Византией, добиться от нее христианизации Руси и тем самым не только сementировать разноплеменную и разноречивую Русь, чем вдохнуть в нее новые свежие силы, но и приобщить ее к европейскому свету.

Однако Византия X ст., как будто бы не имела никакого желания приобщить „плебейское“ государство Русь к новой общеевропейской идее – христианству, которое наполняло мир каким-то новым светом, а при доброй воле отдельных духовных и светских властей давало не только большой простор гуманизации европейского средневековья, но исполнения тысячелетней мечты человечества о единстве народов, мире и благополучии.

Можно допустить, что негативное отношение Византии по отношению к Руси было связано и с недавней борьбой с кн. Святославом за сферы влияния на Балканах, но скорее всего главную роль играли аристократические представления Византии и неактуальное для Византии геополитическое положение Руси той эпохи.

В то время опасность Византия видела прежде всего с Востока, юго-востока и Запада – Русь таким образом осталась в стороне от большой политики, более того, не имела с Византией даже сухопутной границы.

Выше мы уже кратко упоминали, что в каждом предшествующем случае христианизации русских князей или части Руси, *секундарно как бы*, присутствовал момент наличия русских войск. Это наше замечание не случайно. Напомним: Акольд прибыл к Цареграду, по Иоанну Диякону, на 360 кораблях, патриарх Фотий описывает страх, который испытали тогда Византийцы; кн. Ольга обещала Константину VII какую-то военную помощь, которую не оказала, почувствовав неискренность со стороны Византии. Наконец, так или иначе военную помощь в той эпохе гордая Византия могла получить только со стороны „менее ценной“ языческой Руси, не желающей ни „эллинизации“, ни ущемления своей независимости даже за цену жизненно необходимой ей христианизации из рук высоко авторитетной аристократичекой Византии. Скажем более – Русь желала не только христианизации, т.е. благословения Византии на вхождение в мир христианства, но и породнение с династией высокочтимых ви-

зантийских императоров, но только на равноценных условиях, т. е., уважая авторитет древней христианской святыни – Цареграда и ее патриархов, как первой среди равных (нужно иметь в виду, что соседняя Болгария к этому времени уже имела собственного патриарха и даже рассчитала собственную эру от рождения Христа), хотя и находилась в полузависимом от Византию положении, а в 1018 г. вообще утратила эту хрупкую независимость; тем не менее дух независимости в ней не был убит, даже в эпоху турецкого нашествия. То есть, аспирации Руси не были ничем исключительным и не выходили за рамки самоохранения. (Русь тогда еще и не подозревала, что ее ждет 250-летний иноземный монголо-татарский гнет.)

Общеизвестную легенду о *Выборе вер Владимиром* нужно принимать реалистично (патриотизм вещь позитивная, пока не перешагивает рамки разума). Нет сомнений в том, что кн. Владимир поиск „крестителей“ в конкретной ситуации сам сигнализировал и „крестители“ к нему приходили, однако процесс „испытания вер“ вряд ли выглядел так помпезно и однозначно, как описывает *Повесть временных лет* и митрополит Илларион в своем *Слове о Законе и Благодати*. Суть дела, видимо, заключалась, не только в „кокете“ авторитетной Византии, но и в тех условиях, которые выдвигали иные „крестители“ или же государства, пославшие их. Позволим себе допустить, что Русь X ст. в очень незначительной мере разбиралась в сущности дискуссий между церковью Западной и Восточной, очень мало знала, о чем полемизировалось на семи Вселенских соборах. Русь решала проблему христианизации *случайно, стоя высоко над ее препитательствами*. Владимир выбирал, но не торжественно, а в глубоких размышлениях, сомнениях, выжидая подходящий случай (надеясь на Бога, сказали бы мы сегодня). И он пришел, этот случай, но без всякой легендарной помпы – пришел сугубо повседневно и прозаически.

Что касается миссионеров-крестителей, то они действительно были в Киеве и при Владимире, и перед ним. Не уклоняясь от главной темы работы и стремясь как можно полнее документировать свою мысль, назовем их имена: Адальберт Магдебургский (961 г.), Адам Трирский (961–962 гг.), Бруно Бонифаций (1006 г.), Титмар Мерзебургский (1017 г.). В то же время на Руси находились и посланники Византии: митрополиты: Михаил (990 г.), Феофилакт (992–997 гг.), Леон (997 г.), Иоанн (1108 г.), Иоким (991 г.). В данном случае в отношении византийских посланцев в русских хрониках нет ясности – так, некоторые утверждают, что первым митрополитом был Лев или Леон, иные – Михаил, но совсем ясно и положение Иокима и т. д., но в то же время говорится, что Ефрем был благословен Иокимом в функции митрополита Руси.¹

Трудно поверить, но при всем этом русская церковь, более полстолетия, будучи христианским государством, не имела ясности в организации церкви и профессионального „комментатора“ богослужебных книг. Эту функцию, видимо добровольно выполняли безьянные болгарские священники – эмигран-

¹ Карташев, А.: Очерки по истории русской церкви. М. 1991, с. 134.

ты, вчерашние язычники, так же как и сами русские. Видимо, здесь корни специфики русского двоеверия.

Вернемся к третьей христианизации Руси в 988/989 г. В 987 г. в Византии азийский сатрап Варда Фока развязал гражданскую войну с целью сместить императора Василия II Болгаробойцу. Василий II оказался в крайне тяжелом положении: своих сил он не имел в достаточной мере, а опереться не было на кого ни внутри государства, ни у соседей. В данной конкретной ситуации роль русской военной дружины становится спасением его положения. Василий II вынужден обратиться с просьбой о помощи к кн. Владимиру, который еще вчера, образно говоря, совершенно не интересовал его. При этом Василий готов обещать все: и личное крещение, и приближение (т. е. породнение) к императорской семье и, наконец, официальное крещение всей Руси, торговля с Византией и всем Причерноморьем становилась как само собой разумеющаяся вещь.

Здесь ярче всего проявляются: *сакральное* – как высший идеал, как прикосновение к бессмертию, так сказать, „вечной памяти“, а в то же время *мирское* – как актуальная потребность, нечто приземленное, жизненно или моментально необходимое, ограниченное во времени, меркантильное.

И иной пример, как доказательство, свидетельствующее о сложных взаимосвязях *мирского* и *сакрального* в жизни людей, внешне выглядящее как сакральный акт большого масштаба, но в действительности – политическая стратегия двух государств, жизненно необходимая взаимопомощь, сыгравшая свою неоценимую роль, а впоследствии ставшая символом независимости государства.

В 853 г. болгарский царь Борис заключил взаимновыгодный договор с Великой Моравией против франкского короля Людовика Немецкого, однако, спустя некоторое время, посредством вмешательства чуждых славянам сил, он разрывает этот договор, и в 863 г. мы уже видим царя Бориса в совместном походе с Людовиком Немецким против той же Великой Моравии. Великая Моравия оказывается окруженной, зажатой с двух сторон. Это, естественно, вызывает беспокойство кн. Ростислава, в связи с чем он обращается к Византии с предложением заключения подобного договора с целью нейтрализовать Болгарию, в чем реально была заинтересована и Византия (ее положение в то время мало в чем отличалось от положения Великой Моравии). Внешне обращение кн. Ростислава выглядело как просьба о призвании христианских просветителей, которые бы объяснили суть христианства на доступном славянам языке.²

Необходимо иметь в виду щекотливость данной дипломатической акции Ростислава – Великая Моравия то есть уже была христианизирована к началу 30-х годов IX ст. В 831 г. здесь находился епископ Пассау Регинхар³, более того

² История южных и западных славян. М. 1957, с. 21–22.

³ Паткош, П.: Великая Моравия – территория и общество. В кн.: Великая Моравия. АН СССР, ЧС АН, Инст. ист. САН, Инст. ист. наук САН, Инст. балканистики. М. 1985, с. 82.

существовала регулярно организованная церковная организация, подчиненная баварскому епископству в Пассау.⁴

Мы уже указывали об упущенных Византией политических возможностях в отношении славянского мира (особенно в западной Европе). Византия IX ст. это прекрасно понимала и принимала реальность такой, какая она есть. Византийская дипломатия, даже с ее „архаическими“ ошибками, была древнейшей и опытнейшей в Европе, в этом ей нужно отдать должное. Тем не менее сама жизнь всем приносит метаморфозы.

Учитывая все, тщательно продумав, Византия посылает в Моравию своих лучших миссионеров – в действительности не имеющих равных в мировой истории – братьев Константина и Мефодия, оснастив их единственной, но неизмеримо фантастической „картой“ для крайне сложной дипломатической игры – *славянской письменностью*.

Мефодий пробыл в Великой Моравии немногим более 20-и лет, Константин еще менее. Исторически этот факт мог бы стать совершенно забытым и утраченным со страниц истории (к этому, кстати имелись все предпосылки). Однако вопреки тому, что солунские братья пробыли здесь крайне мало, вопреки тому, что от них не осталось ни книг, ни церкви византийского типа, не сохранилась даже их графика – сохранилось нечто иное: *память* большая, чем к какому угодно иному священнослужителю, даже прожившему здесь всю жизнь, и *благодарность* за то, что местные славяне впервые услышали суть христианского учения в родной понятной им речи. Память стала символом и даже традицией.

Нет смысла специально объяснять, что *символы*, как правило имеют большее значение нежели сама реальность, ибо *приобретают форму сакральности*, иными словами, *священную память, не подвергаемую тлению*.

С другой стороны, *в действительности* осуществилась нейтрализация Болгарии как потенциального противника и Великой Моравии, и Византии той эпохи, что имело свой вклад в возможность дальнейшего существования Великой Моравии почти еще сто дальнейших лет.

Стоит особого внимания и тот факт, что дата фактического крещения Великоморавского народа практически не оставила следа в памяти народа и в своем большинстве народ считает, что их крестили Кирилл и Мефодий (даже не Константин, который так именовался здесь).

Где кончается мирское, прагматическое и начинается сакральное, где осуществляется перерастание одного качества в другое? Наконец, находятся ли мирское и сакральное действительно в оппозиции. Человеческая жизнь без идеалов немислима; там, где возникают идеалы, есть потенциальная возможность их сакрализации *при определенных специфических условиях* как общественно-социальная конвенция.

⁴ Vavřínek, V.: Die Christianisierung und Kirchenorganisation. Grossmehrens/ Historica, Praha, 1963, VII.

В нашей работе для нас актуально еще и понимание возможности переноса специфических черт изображения и предствления объекта, который является общепризнанно сакральным, т. е. канинизированным, на объект таковым не являющийся, но в силу каких-то специфических потребностей нуждается в *уподоблении сакральному*, хотя бы на короткое время (даже на одноразовое исполнение). Нам кажется, что это возможно, исходя хотя бы из вышеприведенных фактов взаимосвязи сакрального и мирского, если они служат одной и той же цели.

Вернемся однако к *третьей христианизации Руси* в 988/989 гг.

Князь Владимир посылает на помощь Василию II шеститысячный корпус дружинников, который решает ситуацию в пользу византийского императора: Варда Фока убит, трон Василия II Болгаробойца устойчив, однако император не спешит с выполнением данных Владимиру обязательств (дело еще и в том, что даже приверженцы Василия II не могут простить ему тот факт, что за помощью при решении внутренних проблем Византии он обратился к варварам! и тем самым как бы унизил аристократическую державу). Владимир еще раз испытывает лицемерие византийских политиков и дипломатов, цену их обязательств. Все это приводит его к мысли о достойной, немилосердной мести (до сих пор мы имеем дело с чисто мирскими соображениями, хотя внешне говорится о вещах сакральных – просьбе-требовании христианизации Руси и породнении с древнеаристократической династией).

В 988 г. кн. Владимир блокирует греческую колонию Корсунь (Херсонес), одновременно крупнейший торговый порт, имеющий ключевое географическое значение. Владеющий этой крепостью-городом владеет всей стратегической обстановкой в обширном регионе; располагаясь в устье Днепра, она запирала выход в море. Осада крепости была долгой и изнурительной для обеих сторон. На помощь приходит священник грек по имени Анастас, служащий Владимиру. Анастас советует перекрыть воду, снабжающую город. Город-крепость сдается на милость победителя. Владимир посылает серьезный ультиматум Василию, припоминая ему все. Василий II, стремясь хотя бы внешне сохранить достоинство аристократа, перепирался с Владимиром, но события развивались не в его пользу.

Перед осадой Корсуни Владимир значительно укрепил свое внутривнутриполитическое положение, что отразилось и в отношении к нему представителей западноевропейских государств: Польши, Венгрии, Германии, Чехии и др. Перед походом на Корсунь Владимиру удалось объединить остатки восточнославянских племен, покорить волжских булгар, усмирить Хазарский каганат, нейтрализовать ятвягов (литовцев), косогов и печенегов. Осознавая свое положение и положение Василия II в то время. Владимир отважился пригрозить Василию захватом города.

Византия уже прожила свое „звездное время“ и нуждалась в серьезном переосмыслении своей внешней политики и реалистическом восприятии окружающего мира. Иначе говоря, Византия должна была избавиться старых представлений, приземлить „сакральные“ представления о своей богоизбранности. Забе-

гая вперед, скажем, что пактования Византии с Османской империей были недальновидными, особенно в борьбе с южными славянами.

С византийской лукавостью Василий II после 9-ти месячной осады Корсуни в 990 г. посылает к Владимиру делегацию из Константинополя, которая привозит „его дочь“ Анну и группу священников для свадебного обряда и крещения дружины Владимира (нет однозначных указаний на то, что Владимир так же был покрещен там, хотя нет причин сомневаться в этом – факт крещения в Корсуни общеизвестен). Однако крупнейший церковный историк А. Карташев, ссылаясь на мниха Иакова, говорит, что Владимир в крещении прожил 28 лет (т. е. на основании собственной воли). Владимир умер в 1015 г. – значит, креститься он мог в 987 г. у себя дома, скорее всего в Васильеве. Писатели XI столетия говорят, что Корсунь он взял „на третье лето по крещении“⁵. Византийские источники утверждают, что Владимир крестился в 988 г., в виде условия для женитьбы на дочери Василия II. Имеются также сведения, что он крестился в Киеве. Мы уже объясняли свою позицию в отношении информации подобного рода. Здесь опять же важно иное. Владимир не отпускает византийских священников домой, он везет их в Киев, где заставляет официально (чтобы не было двусмысленности) крестить киевскую знать и простых людей.

Здесь мы вновь встречаемся с разногласиями хроник: *Повесть временных лет* описывает крещение киевлян как единовременный акт и местом крещения указывается река Днепр. Историк В. Татищев, который, как известно, пользовался какими-то, нам неизвестными источниками, и позднейшие открытия подтверждают, что его информация точнее, нежели иные (в том числе и ПВЛ) указывает, что крещение происходило на реке Почайне, при этом закостнелые язычники покинули город.⁶

Владимир и здесь проявил себя как мудрый стратег: не полагаясь на факт большого количества приверженцев христианства на Руси, не полагаясь на почти столетнюю традицию или процесс христианизации Руси, он решил, что необходимо в как можно кратчайший срок покрестить и закрепить официально данный акт во всех главных местах и центрах Руси, не исключая репрессии.

Самой большой проблемой в этом смысле было крещение Новгорода, вопреки тому, что в Новгороде еще ранее существовала христианская община на Неревском конце и отправляла свои богослужения в церкви Преображения⁷, в противовес Киеву Народное вече решило не допустить в город киевских крестителей. Новгородцы были покрещены, но там произошло самое большое количество репрессий.

Русь в третий раз была покрещена, в отличие от двух предшествующих крещений, менее демократическим и менее добровольным способом. Не было это так, как описывает *Повесть временных лет*, известно, что и по Киеву ходи-

⁵ Карташев, А.: Очерки по истории русской церкви. М. 1991, с. 114.

⁶ Введение христианства на Руси. М. 1987, с. 111–113.

⁷ Янин, В.: День десятого века, в жур.: Знание – сила. No 3, с. 17.

ли христианские миссионеры, уговаривая людей, не было это и в один день, можно говорить о значительно большем времени, но сути дела это не меняет. Для Владимира лично было шокирующим открытием то, что его жена Анна в действительности не была дочерью Василия II, а так называемой „дочерью“. По всей вероятности это была дочь болгарского царя Бориса (но это не доказано, существуют лишь предположения). Так что и здесь Василий II проявил свою „византийскую сущность“. Русский князь Владимир всей своей сущностью был язычником и решал все проблемы с присущим язычнику специфическим прагматизмом. Кажется, что при всей целенаправленности и продуманности его действий он менее всего задумывался о духовном эффекте совершаемого акта, о собственном приобщении к сакральности или даже заслуги перед именем Бога. Осуществляя христианизацию Руси, он был совершенно далек от представлений о себе, хотя бы как о миссионере, святителе или просто просветителе, приобщающем Русь к вере Христовой, ставя ее в один ряд с другими европейскими государствами как равную (оставим в данном случае в стороне показную ритуальную сторону сакрального акта крещения Руси, скорее всего подсказанную ему византийскими священниками, как составную часть торжественного церемониала). Владимир, несомненно испытывал чувство удовлетворенности от выполненного государственно-важного дела, при этом знал, что это только начало, что его ждут новые, еще не совсем ясные проблемы. О христианстве он знал в сущности очень мало, а поэтому не мог в полной мере оценить и собственные заслуги (наконец, оценка подобных актов подвижничества является делом иных людей, более просвещенных в этих вопросах).

Что касается кн. Владимира, при всех его амбициях, добрых и злых, иначе его трудно предвидеть – государственный деятель-язычник и в то же время на Руси это, прежде всего, князь-воин.

Все, что удалось осуществить кн. Владимиру, не имеет смысла глорификовать: все его шаги, успешные или неуспешные, *должны оцениваться прежде всего как мероприятия государственного деятеля, политика, дипломата*, направленные на укрепление и благополучие его государства. Нет сомнений, что как политик и христианизацию Руси он видел сам иначе, нежели духовный иерарх.

Нет сомнений об исключительности заслуги кн. Владимира в деле христианизации Руси. Вполне допустимо, что и он сам имел соответствующие своей эпохе представления о своих заслугах. Однако мы сомневаемся в том, что Владимир, хотя бы в малейшей мере, сам себя считал причастным к божественной providенции или миссионерству. Его представления могли быть исполнены гордости, торжественности, могущества, но не выходили за рамки *мирского*, не отрывались от земного. Языческая вера, в которой он был воспитан и прожил большую часть жизни, не знала пророков, снисхождения божественности на человека, божеского промысла и иных постулатов христианской веры. Шаман – было нечто совершенно иное, нежели христианский священник: шаман, или волхв (у русских), общался с божествами или идолами, но это были земные ипостаси, среди которых он жил и как бы воспринимал их воздействие, способ-

ности волхва имел только он, снизойти то же на иного человека было не мыслимым в язычество (свойства волхвов имели кастовый замкнутый характер). В целом язычество было совершенно иной сакральной системой. Поэтому, совершив по сути дела *сакральный акт*, Владимир не осознал это, по его мнению, это мог быть акт высшей степени заслуги, но *мирской*, означавшей, возможно символ покорения гордой Византии, достижение поставленной цели, *которую без сомнения осознал* в данном случае –, а именно *достижение официальной христианизации Руси византийцами*, но осознал это иначе, нежели мы сегодня, несмотря на то, что Владимир 28 лет уже был христианином (позволим сказать – самоукой), вопреки тому, что Титмар еще при Святославе насчитывал на Руси более 400 церквей.⁸ Характер Владимира можно понять, внимательно прочитав хотя бы *Повесть временных лет*.

Вряд ли Владимиру, например, в драматические моменты убеждения закоренных язычников, пришло бы в голову процитировать максимально подходящие к ситуации постулаты из Евангелия: „Кто не со Мною, тот против Мене“, (Мт. гл. 12, 30), или: „Оставьте их, слепые вожди слепых: а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму“ (Мат. гл. 15, 12). Не вяжется это ни с Владимиром, ни с эпохой X ст. на Руси, и не потому, что Владимир плохо знал Евангелие – просто такой способ убеждения в то время (исходя из прочитанного нами) не был традиционным: традиции долгое время оставались языческими. При Владимире же язычество, как бы сливается с христианством (в силу уже несколько раз, указанного нами отсутствия профессионального „комментатора“ – византийского епископа или митрополита в течение нескольких десятилетий).

То есть, аргументы тогда использовались иные и иными способами.

Наверное, есть смысл вспомнить и то, что после крещения Руси Владимир на некоторое время был как бы в чем-то разочарован и даже не интересовался контактами с Византией; наоборот, при его дворе долгое время находился Мерзбургский архиепископ, посланный германским императором Генрихом II – Бруно Бонифаций, который дает интереснейшие сведения о Владимире (письмо впервые переведено на русский язык Н. Оглоблиным в 1876 г.). Из письма не ясно действительно ли была цель склонить Владимира к союзу со Священной Римской империей, но прием Бонифацию со стороны Владимира был оказан участливо и даже душевно (мы уже указывали на то, что Русы в X–XI ст. плохо разбирались в перипетиях между Константинополем и Римом. Именно Бонифаций указывает на какую-то усталость Владимира как поборника идеи распространения христианства, он практически до смерти не отказал ни себе, ни другим в языческих гуляниях, которые длились по многу дней).

Этим мы хотим указать на специфику средневековых взаимоотношений сакрального и мирского в русском обществе. Иначе решались те же вопросы *в чисто религиозном аспекте, зафиксированном в религиозных книгах, пришедших на Русь из Византии (или их переводах)*. Здесь сакральное и мирское имело

⁸ Рыбаков, Б.: Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982, с. 410.

совершенно иные параметры, имело свои ясно определенные границы и переплетение языческого и христианского (то, что было почти типичным для средневековой Руси, было максимально ограничено и, наконец, – строго каралось). Мы это можем объяснить только тем, что если Русь в X–XI ст. плохо разбиралась в современных ей постулатах церкви, то несколькосотлетняя история острых дискуссий христианской церкви, осуществленных на семи ее Вселенских соборах и в отдельных посланиях отцов церкви, была для нее, образно говоря, „книгой за семью печатями“.

Вопрос смены веры, по нашему мнению, является важнейшим событием в жизни человечества (даже если кто-то истинно убежден в том, что он неверующий, таких людей просто нет, нельзя смешивать вопрос иноверия с безверием, даже атеисты имели свой потенциал и объект веры). Смена веры дестабилизирует человека, человек вдруг теряет баланс, дававший ему элементарную устойчивость и уверенность в поступках самых элементарных, что часто приводит одних к отчаянному, безглавому протесту, других – к самоубийству или помешательству.

Русь была вновь покрещена, и в этот раз „креститель“ – Владимир имел в арсенале значительный опыт. Естественно, что старое не уступало без сопротивления (даже в XIII ст. в городах появлялись волхвы, припоминали людям старую веру, стращали их карами языческих богов).

Что нас больше всего удивляет, так это способность Владимира справляться с этой непростой проблемой, при этом без консультаций с „мудрейшими мужами“. Просто время от времени, в дни, связанные с традиционными языческими, укорененными столетиями празднованиями, или под иными предлогами он устраивал пышные пиршества, празднования, раздачу подарков из государственной казны, *что ярко припоминало людям языческие гуляния*, но главное это снимало напряжение, возникающее естественно в силу дестабилизации, о которой мы упоминали. *Более того, все это поднимало авторитет князя*, авторитет, который в такой переходный период дороже всякого золота, что в свою очередь давало стабилизацию самому Владимиру.

Второй фактор так же заставляет нас отдать должное этому мудрому правителю, – это стремительная подготовка собственных русских национальных кадров священнослужителей и просто просветителей-учителей, *в которых он видел естественного союзника начатого дела*. Ему была нужна надежная поддержка и он не скупился на ее подготовку. Нестор вспоминает об этом: „Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное“, „Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: „В те дни услышат глухие слова книжны, и ясен будет язык косноязычных“.⁹

При всей талантливости кн. Владимира, доли удачливости, упорству в достижении цели, способности решать для многих правителей нерешимые пробле-

⁹ Повести Древней Руси XI–XII вв. Л. 1983, с. 165.

мы важно еще одно – наличие преемника начатого им дела – христианизации Руси, преемника – сына кн. Ярослава Мудрого, то есть *того фактора, который отсутствовал предшествующим крестителям Руси Аскольду, Ольге.*

Интересен и еще один факт в этой столетней истории христианизации Руси. Если сам Владимир не видел себя никоим образом освященным Божьей милостью, Божьей провиденцией, то позже православная церковь имела попытки канонизировать его и даже кн. Ольгу, что, естественно, не признала Византия, хотя русские священники вопреки этому называют Владимира Святым, на что обращают внимание как церковные историки, так и церковные иерархи, предлагая называть Владимира заслуженно Великим.

Доведшим свою идею до логического конца, начавшим новую историю Руси, приобщив ее к европейскому миру как равную.

Загадочным остается еще один вопрос: почему вне поля зрения ученых-славистов остается *вопрос, по сути дела, одновременного крещения славянства* теми же крестителями – патриархом Фотием и императором Михаилом III. Болгары и Русы однозначно были впервые, как мы видим, покрещены в 60-е годы IX ст. Великая Моравия (хотя уже и крещенная) тем не менее подвергается воздействию тех же крестителей и в то же время.

Случайно ли все это? Или же перед нами политический проект создания славянского единства, сцементированного единой верой? Возможно, проект возрождения Византии с помощью самой большой европейской силы – славянства?

Факты, указанные нами, известны всем медиевистам, но никто (по крайней мере нам это не известно) не пытался сложить эти рассыпанные по разным хроникам, как крупинцы янтаря, факты и проанализировать их на основе византийских материалов того времени.